

СПЛЕТНИЦА

Читай книгу — смотри знаменитый сериал



GOSSIP GIRL

СЕСИЛИ ФОН ЗИГЕСАР

В НОВОМ
ПЕРЕВОДЕ

Сплетница

Сесили фон Зигесар

Сплетница

«Издательство АСТ»

2002

УДК 821.111-3 (73)
ББК 84(7Сое) 44

Зигесар С.

Сплетница / С. Зигесар — «Издательство АСТ»,
2002 — (Сплетница)

ISBN 978-5-17-113077-0

Добро пожаловать в Верхний Ист-Сайд Нью-Йорка, где мы с друзьями живем, ходим в школу, играем и спим – иногда друг с другом. Серена ван дер Вудсен вернулась из школы-интерната, и если мы не будем осторожны, она сведет с ума наших преподавателей, оденет то платье, в которое мы не смогли влезть, украдет сердца наших парней и разрушит нашу жизнь. Я буду внимательно следить за всем, что здесь происходит. Ты обязательно полюбишь меня. Твоя Сплетница.

УДК 821.111-3 (73)
ББК 84(7Сое) 44

ISBN 978-5-17-113077-0

© Зигесар С., 2002
© Издательство АСТ, 2002

Содержание

Как и большинство пикантных историй, эта началась на вечеринке	7
Час секса сжигает 360 калорий	10
С вернулась!	13
С и Н	18
Внемли, ангелы поют	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сесили фон Зигесар

Сплетница

Cecily von Ziegesar
Gossip Girl

© 2002 by 17th Street Productions, an Alloy, Inc., company All rights reserved. First Edition, 2002

© А. Федотова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

«Злословие – это сплетня со скучным оттенком морали»
Оскар Уайльд

Предупреждение: все реальные названия мест, имена людей и события были изменены или сокращены, чтобы защитить невинных. То есть меня.

Привет, ребята!

Вы когда-нибудь задумывались, как на самом деле живут избранные? Что ж, могу рассказать, потому что я одна из них. Речь не о сногшибательных моделях, актерах, музыкантах-виртуозах или гениях математики. Я говорю о людях, которые *рождены* избранными – о тех, у кого есть все, о чем мечтают остальные, и кто принимает это как должное.

Добро пожаловать в Верхний Ист-Сайд, Нью-Йорк, где мы живем, ходим в школу, развлекаемся и спим – иногда друг с другом. У нас огромные квартиры, где у каждого есть комната с отдельной ванной и собственная телефонная линия. Неограниченный доступ к деньгам, выпивке и всему остальному. Наши родители редко бывают дома, поэтому в личной жизни мы себе не отказываем. По наследству нам досталась благородная красота, мы умны, превосходно одеты и умеем веселиться. Наше дерьмо воняет так же, как у всех, но вы никогда об этом не узнаете, потому что горничная каждый час распыляет в ванной освежитель воздуха, созданный специально для нас французскими парфюмерами.

Это роскошная жизнь, и кто-то должен ее прожить.

Наши квартиры обязательно в шаговой доступности от Метрополитен-музея на Пятой авеню и частных школ раздельного обучения, таких как Констанс Биллард, куда и ходит большинство из нас. Даже с похмелья Пятая авеню кажется такой красивой по утрам, когда солнечный свет играет в волосах сексуальных парней из школы Святого Иуды.

И все же это место пахнет гнильцой...

Наблюдения

Б спорит с мамой в такси перед «Такашимаей». **Н** наслаждается косячком, сидя на ступенях Мета. **К** покупает новую школьную обувь в «Барнис». Высокая и жутко красивая блондинка, выходящая из поезда Нью-Хейвен на Гранд Централ Стэйшн, кажется очень знакомой. Приблизительный возраст – семнадцать лет. Не может быть! **С** вернулась?!

Девушку, которая уехала в школу-пансион, исключают, и она возвращается

Да, **С** вернулась из школы-пансиона. Волосы стали длиннее и светлее. В глубине голубых глаз покоится множество тайн. На ней по-прежнему сногшибательный прикид, правда,

немного потрепанный ветрами Новой Англии. Этим утром ее смех эхом отразился от ступеней Мета. Больше мы не сможем там курить и наслаждаться капучино, не попадаясь ей на глаза, – она будет выглядывать из окна родительской квартиры на соседней улице и приветливо махать рукой.

С начала грызть ногти, из-за чего еще сильнее захотелось все о ней разузнать. А пока мы все умираем от любопытства, пытаюсь выяснить, почему ее выгнали из пансиона, никто не задаст ей прямого вопроса, потому что все предпочли бы, чтобы она вообще тут не появлялась. Но С определенно здесь.

На всякий случай давайте сверим часы. Нужно быть начеку, иначе С снова переманит на свою сторону учителей, наденет то самое платье, в которое мы не можем влезть, съест последнюю оливку, займется сексом на кроватях наших родителей, прольет «Кампари» на наши ковры, украдет сердца наших братьев и парней, в общем, разрушит нашу жизнь и доведет всех до истерики.

Я буду внимательно следить. Буду наблюдать. Нас ждет безумный и жестокий год. Я чувствую это.

Целую,

Сплетница.

Как и большинство пикантных историй, эта началась на вечеринке

«Пришлось все утро смотреть Никелодеон в своей комнате, чтобы не завтракать с ними», – сказала Блэр Уолдорф своим лучшим подругам из школы «Констанс Биллард»: Кати Фаркас и Изабель Коутс. «Моя мама приготовила ему омлет. Я даже не знала, что она умеет пользоваться плитой».

Блэр заправила длинные темно-каштановые волосы за ухо и сделала большой глоток мамино превосходного выдержанного скотча из хрустального бокала. Это был уже второй.

– Что смотрела? – спросила Изабель, убирая выбившуюся прядь волос с черного кашемирового кардигана Блэр.

– Какая разница? – воскликнула Блэр, топнув ногой. На ней были новые черные балетки. Очень элегантно, как и подобает ученице школы для девочек. Правда, она могла мгновенно поменять свое решение и обуть вульгарные сапоги до колен с заостренным носом и ту секси юбку с металлическим отливом, которую ненавидит ее мама. Та – дам! И она уже сексуальная кошечка-рок-звезда. Мяу.

– Суть в том, что мне все утро пришлось просидеть у себя в комнате, потому что у них был этот мерзкий романтический завтрак. Еще и напялили свои парные шелковые халаты. Они даже не приняли *душ*.

Блэр сделала еще один глоток. Единственный способ смириться с мыслью о том, что ее мать спит с *этим мужчиной*, – напиться. Сильно напиться.

К счастью, Блэр и ее друзья были из тех семей, для которых пить – такое же обычное дело, как сморкаться. Их родители являлись приверженцами псевдоевропейской идеи о том, что чем свободней доступ детей к алкоголю, тем меньше вероятность, что они начнут им злоупотреблять. Поэтому Блэр и ее друзья были вольны пить все, что пожелают и когда пожелают, при условии, что их оценки и внешний вид в порядке, а сами они не позорят себя и свою семью рвотой в общественных местах, обмоченными штанами или драками. То же самое относилось и ко всему остальному, например, к сексу или наркотикам. Пока выглядишь прилично – все можно.

Но об этом позже.

Блэр была очень расстроена из-за Сайруса Роуза, нового мужчины ее матери. В этот самый момент он стоял по другую сторону зала и приветствовал гостей, собирающихся к ужину. Сайрус Роуз был похож на консультанта в обувном магазине «Сакс» – лысый, с маленькими густыми усами, в синем двубортном пиджаке, который едва прикрывал толстый живот. Он постоянно звенел мелочью в кармане, а когда снимал этот пиджак, подмышками оставались отвратительные круги пота. Маме очень нравился его громкий смех. Он не был отцом Блэр. Ее отец в прошлом году сбежал во Францию с другим женщиной.

Серьезно. Они вместе живут в шато и держат виноградник. Что на самом деле очень круто, если подумать.

Конечно, Сайрус Роуз в этом не виноват, но Блэр все равно. Для нее он в любом случае противный жирный неудачник.

Но сегодня вечером придется терпеть Сайруса Роуза, потому что этот ужин мама устроила в его честь, и все друзья семьи Уолдорф собрались познакомиться с ним: семья Басс и их сыновья Чак и Дональд; Мистер Фаркас с дочерью Кати; известный актер Артур Коутс, его жена Тити и их дети Изабель, Регина и Камилла; Капитан, миссис Арчибалд и их сын Нейт. Единственные, кто до сих пор не появился, это мистер и миссис ван дер Вудсен, чья дочь Серена и сын Эрик учатся сейчас в другом городе.

Мама Блэр славилась своими зваными ужинами, и этот был первый после печально известного развода. Этим летом Уолдорфы сделали дорогой ремонт в своем пентхаусе, который теперь был оформлен в насыщенных красных и шоколадно-коричневых тонах и набит антиквариатом и произведениями искусства, способными впечатлить любого, кто хоть что-то в этом понимает. В центре стола стояла огромная серебряная чаша с белыми орхидеями, вербой и ветками каштана – современный ансамбль из «Такашимаи», магазина предметов роскоши на Пятой авеню. На каждой фарфоровой тарелке лежала золотистая карточка с именем. На кухне Миртл готовила суфле, развлекая его песнями Боба Марли, а неуклюжая горничная-ирландка Эстер еще, слава богу, не пролила скотч никому на платье.

Блэр сама скоро станет неуклюжей. И если Сайрус Роуз не перестанет лезть к Нейту, ее парню, то придется подойти к ним и пролить скотч на его безвкусные итальянские лоферы.

– Вы с Блэр уже давно встречаетесь, верно? – спросил Сайрус, хлопнув Нейта по плечу. Он хотел, чтобы парень немного расслабился. Все эти ребята из Верхнего Ист-Сайда слишком скованные.

Вот что он думает: нужно дать им время.

– Ты с ней спишь? – спросил Сайрус.

Нейт стал краснее, чем обивка на французской кушетке восемнадцатого века рядом с ним.

– Ну, мы знакомы практически с самого рождения, – пробормотал он. – Но встречаемся всего лишь год. Мы не хотим все испортить, поспешив сделать то, к чему не готовы.

Нейт просто выдал фразу, которую всегда говорила Блэр в ответ на вопрос, когда они это сделают. Но ведь он разговаривал с новым парнем матери своей девушки. Что он должен был сказать: «Чувак, если бы это зависело от меня, мы бы занимались сексом прямой сейчас»?

– Правильно, – сказал Сайрус и сжал плечо Нейта пухлой рукой. На запястье виднелся золотой браслет-манжета от Cartier, такие обычно надевают один раз и больше никогда не снимают – они были очень популярны в восьмидесятых, но не сейчас, если только вы не верите всерьез в тренд «возрождение восьмидесятых». Да ладно, Сайрус?

– Позволь дать тебе совет, – сказал он Нейту, словно у того был выбор. – Не слушай, что говорят тебе девушки. Они любят сюрпризы. Хотят, чтобы им не давали скучать. Понимаешь?

Нейт кивнул, нахмурившись. Он попытался вспомнить, когда в последний раз удивлял Блэр. Единственное, что пришло в голову, – как он купил ей мороженое по дороге с тренировки по теннису. Это было больше месяца назад, да и сюрпризом считалось с большой натяжкой. Если продолжать в том же духе, секса с Блэр у него может вообще не случиться.

Нейт был одним из тех парней, на которых смотришь и знаешь, что он думает: «Она устала на меня, потому что я чертовски сексуальный». И в этом не было ни капли высокомерия. Он просто не мог быть несексуальным. Он таким родился. Бедняга.

Этим вечером Нейт был одет в темно-зеленый кашемировый свитер с V-образным вырезом, который Блэр подарила ему на прошлую Пасху, когда они с ее отцом целую неделю провели в Сан-Вэлли, катаясь на лыжах. Блэр незаметно пришила крошечное золотое сердечко на внутреннюю сторону одного из рукавов свитера, чтобы рядом с Нейтом всегда было ее сердце. Ей нравилось считать себя безнадежным романтиком как в старых фильмах с Одри Хепберн и Мэрилин Монро.

Она всегда выдумывала какие-нибудь интересные сюжетные повороты для фильма, в котором снималась, – собственной жизни.

– Люблю тебя, – выдохнула Блэр, вручив ему свитер.

– И я тебя, – ответил Нейт, хотя не был уверен, что это действительно так.

Когда он надел свитер, то выглядел так хорошо, что Блэр захотелось закричать и сорвать с себя одежду. Но она решила, что момент неподходящий – это, скорее, свойственно роковой женщине, нежели романтической девушке – поэтому Блэр молчала, стараясь сохранить образ

хрупкой маленькой девочки в объятиях Нейта. Они долго целовались. От дня, проведенного на склоне, их щеки были горячими и холодными одновременно. Нейт запустил пальцы в волосы Блэр и увлек ее за собой на кровать. Блэр подняла руки над головой, позволяя Нейту раздевать ее, пока не поняла, к чему все идет. В конце концов, это был уже вовсе не фильм, все *настоящему*. Поэтому, как хорошая девочка, она остановила Нейта, поднявшись с кровати.

И все это она проделывала каждый раз до сегодняшнего дня. Всего два дня назад Нейт пришел после вечеринки с полупустой бутылкой бренди и, завалившись на кровать, пробормотал: «Я хочу тебя, Блэр». И снова ей захотелось взвыть и запрыгнуть на него сверху, но она сдержалась. Нейт заснул, тихо храпя, а Блэр легла рядом, представив, что снимается в фильме, где они женаты, а у него проблемы с алкоголем, но она всегда будет рядом и будет любить его, пусть он иногда и мочится в кровать.

Блэр не хотела его дразнить, она просто была *не готова*. Они с Нейтом почти не виделись все лето, потому что она уехала в тот ужасный тренировочный лагерь теннисной школы в Северной Каролине, а Нейт с отцом отправились в плавание у побережья Мэна.

Блэр хотела убедиться, что даже после целого лета разлуки они по-прежнему любят друг друга так же сильно, как и раньше. Она собиралась подождать своего семнадцатилетия в следующем месяце.

Но сегодня с ожиданием покончено.

Нейт был привлекателен как никогда. Из-за темно-зеленого свитера цвет его глаз стал еще более глубоким и мерцающим, а в волнистых каштановых волосах мелькали золотистые пряди, выгоревшие за лето на просторах океана. И Блэр поняла, что готова. Она сделала еще один глоток виски. О, да. Определенно готова.

Час секса сжигает 360 калорий

1

– Что это вы тут обсуждаете? – спросила мама Блэр, подкравшись к Нейту и сжав руку Сайруса.

– Секс, – ответил Сайрус, довольно звонко чмокнув ее в ухо.

Фу.

– Оу! – воскликнула Элеонора Уолдорф, поправляя растрепавшуюся укладку.

Она была в облегающем платье от Agmani, расшитом графитовым бисером, которое они выбирали вместе с Блэр, на ногах – черные бархатные мюли. Еще год назад она бы не влезла в такое платье, но с тех пор как встретила Сайруса, сбросила почти десять килограммов. И выглядела потрясающе. Все это заметили.

– Она и правда выглядит стройнее, – шепнула миссис Басс миссис Коутс. – Но, держу пари, она сделала подтяжку лица.

– Сто процентов. Она отрастила волосы, а это явный признак. Они скрывают шрамы, – прошептала миссис Коутс.

Комната гудела от сплетен о маме Блэр и Сайрусе Роузе. Судя по тому, что слышала Блэр, друзья ее матери думали о Сайрусе то же, что она, хоть и не использовали слова «мерзкий», «жирный» и «неудачник».

– Пахнет «Олд Спайс», – прошептала миссис Коутс миссис Арчибальд. – Думаешь, он и правда им пользуется? Это как мужской эквивалент женского дезодоранта «Импульс», а всем известно, что «Импульс» – отстой.

– Не уверена, – прошептала миссис Арчибальд. – Но вполне возможно. Она схватила с тарелки Эстер спринг-ролл с треской и каперсами, сунула его в рот и стала энергично пережевывать, не произнося больше ни слова. Ее пугала мысль, что Элеонора Уолдорф может их услышать. Сплетни и пустые разговоры это, конечно, забавно, но на кону чувства ее давней подруги.

«Бред!» – сказала бы Блэр, если бы знала, о чем думает миссис Арчибальд. Лицемерка! Все эти люди – ужасные сплетники. И если уж ты это делаешь, то получай удовольствие.

В другом конце комнаты Сайрус притянул Элеонору к себе и поцеловал в губы на виду у всех. Они вели себя как два помешанных влюбленных подростка, и Блэр отвела взгляд от этой отвратительной картины, повернувшись к окну пентхауса, выходящему на Пятую авеню и Центральный парк. Осенняя листва была огненно-рыжей. Одиноким велосипедист выехал с Семьдесят второй улицы и остановился у лавки с хот-догами на углу, чтобы купить бутылку воды. Блэр никогда раньше не замечала продавца хот-догов, и ей стало интересно, он был там всегда или появился недавно? Забавно, сколько всего ты не замечаешь в повседневной жизни.

Внезапно Блэр поняла, что ужасно голодна. И она знала, чего хочет: хот-дог. Она хотела его прямо сейчас – горячий, дымящийся сабреттский хот-дог с горчицей, кетчупом, луком и квашеной капустой – и съела бы его в три укуса, а потом отрыгнула своей матери прямо в лицо. Если Сайрусу можно засунуть свой язык ей чуть ли не в самую глотку у всех на виду, то она уж точно может съесть дурацкий хот-дог.

– Сейчас вернусь, – сказала Блэр Кати и Изабель, развернувшись к выходу.

Она и правда собиралась надеть пальто, пойти на улицу, купить хот-дог, проглотить его, вернуться, громко отрыгнуть, выпить еще коктейль, а затем заняться сексом с Нейтом.

¹ Данное утверждение не является научно доказанным фактом. Существует несколько разных версий – например, согласно исследованиям, опубликованным в New England Journal of Medicine, за время 6-минутного секса организм сжигает всего 21 ккал. – (Прим. ред)

– Ты куда? – крикнула Кати ей вслед. Но Блэр не остановилась, направляясь прямо к дверям.

Заметив, что она уходит, Нейт оставил Сайруса и маму Блэр и поспешил к ней.

– Блэр? – сказал он. – Что происходит?

Та остановилась и взглянула в сексуальные зеленые глаза Нейта. Они были похожи на изумруды в запонках ее отца, которые он носил со смокингом, когда шел в оперу.

«У него в рукаве твое сердце», – повторила она себе, забыв про хот-дог. В фильме, которой она представляла, Нейт поднял бы ее, отнес в спальню и взял силой.

Но, к сожалению, это была жизнь.

– Нужно поговорить, – сказала Блэр, протянув ему стакан. – Можешь налить мне еще?

Нейт взял стакан, и Блэр повела его к мраморной барной стойке у стеклянных дверей столовой. Он налил им по стаканчику виски, а затем последовал за Блэр через гостиную.

– Эй, куда это вы идете? – спросил Чак Басс, когда они проходили мимо. Он поднял брови, многозначительно ухмыляясь.

Блэр закатила глаза и пошла дальше, делая глоток из стакана. Нейт шагал за ней, игнорируя Чака.

Чак Басс, старший сын Мисти и Варфоломея Бассов, был красавчиком из рекламы средства после бритья. Вообще-то, он и правда снялся в британской рекламе «Драккар Нуар», подарив родителям повод для сильной тревоги и тайной гордости. А еще он был самым похотливым парнем среди друзей Блэр и Нейта.

Однажды на вечеринке в девятом классе Чак прятался в шкафу в гостевой спальне два часа, чтобы забраться в постель к Кати Фаркас, которая была настолько пьяна, что ее то и дело рвало во сне. Чака даже это не смутило. Он просто лег к ней. Он был абсолютно непоколебим, когда дело касалось девушек.

Единственный способ справиться с таким парнем, как Чак, – это смеяться ему в лицо, что и делали все, кто его знал. В других кругах Чака бы вышвырнули как последнего мерзавца, но их семьи дружили на протяжении поколений. Чак был Бассом, и поэтому от него никуда не денешься. Они даже привыкли к его золотому кольцу с монограммой на мизинце, фирменному темно-синему кашемировому шарфу с такой же монограммой, его фотографиям, которые заполнили многочисленные дома и квартиры его родителей и вываливались из шкафчика в частной мужской школе в Риверсайде.

– Не забывайте предохраняться! – крикнул Чак, поднимая бокал им вслед, когда они свернули в длинный коридор с красным ковром, ведущий в спальню Блэр.

Она повернула стеклянную дверную ручку, спугнув кошку Китти Минки, русскую голубую, свернувшуюся на красном шелковом покрывале. Девушка остановилась у порога и откинулась назад, прижавшись к Нейту всем телом. Она потянулась вниз, чтобы взять его за руку.

У Нейта зародилась надежда. Действия Блэр были вызывающими, с явным сексуальным подтекстом. Неужели... сейчас кое-что произойдет?

Блэр сжала его ладонь и затащила в комнату. Они споткнулись друг о друга и рухнули рядом с кроватью, пролив виски на махровый коврик. Блэр хихикнула; все, что она выпила, ударило ей в голову.

«Сейчас я займусь сексом с Нейтом», – подумала она, едва соображая.

В июне они закончат учебу и осенью поедут в Йель, а четыре года спустя устроят пышную свадьбу, найдут красивую квартиру на Парк-авеню, украсят интерьер бархатом, шелком и мехами и будут заниматься сексом в каждой комнате по очереди.

Вдруг внизу в холле раздался громкий и отчетливый голос матери Блэр: «Серена ван дер Вудсен! Какой приятный сюрприз!»

Нейт выпустил руку Блэр и выпрямился, как солдат по команде смирно. Блэр тяжело села на край кровати, поставила стакан на пол и так сжала покрывало, что костяшки пальцев побелели.

Она посмотрела на Нейта.

Но тот уже бросился обратно к двери, желая лично убедиться, что это правда. Неужели Серена ван дер Вудсен *действительно* вернулась?

Сюжет фильма Блэр внезапно принял трагический оборот.

Блэр схватилась за живот – она снова умирала от голода.

Надо было выбирать хот-дог.

С вернулась!

– Здравствуй, здравствуй, здравствуй! – чирикала мать Блэр, целуя каждого ван дер Вудсена в гладкие худые щеки.

Чмок, чмок, чмок, чмок, чмок, *чмок!*

– Знаю, ты не ожидала увидеть Серену, дорогая, – заговорщицки шептала миссис ван дер Вудсен обеспокоенным тоном. – Но надеюсь, все в порядке.

– Конечно. Все прекрасно, – сказала миссис Уолдорф. – Ты приехала на выходные, Серена?

Та покачала головой и отдала свое винтажное пальто Burberry горничной Эстер.

Она заправила за ухо выбившуюся прядь светлых волос и улыбнулась хозяйке.

Серена умела улыбаться даже глазами – темно-синими, почти черными глазами. Это была та улыбка, которую люди пытаются повторить, по-идиотски кривляясь перед зеркалом в ванной. Притягательная, очаровательная, она словно говорила: «Ты не можешь оторвать от меня взгляд, правда?». Улыбка, которую супермодели отрабатывают годами. Так вот, Серена делала это, не прилагая никаких усилий.

– Нет, я здесь, чтобы... – начала Серена.

Но мать поспешно вмешалась.

– Она решила, что пансион не для нее. – С этими словами миссис ван дер Вудсен небрежно поправила прическу, словно не случилось ничего особенного. Абсолютная невозмутимость.

Вся семья ван дер Вудсен была такой. Высокие, светловолосые, стройные, уверенные и хладнокровные. Что бы они ни делали: играли в теннис, ловили такси, ели спагетти, ходили в туалет, – они делали это с достоинством.

Особенно Серена. Она обладала таким шармом, который не придаст тебе ни одна элегантная сумочка или идеальная пара джинсов. Девушка, которую хочет каждый парень. Та, кем хочет стать любая другая девушка.

– Завтра Серена вернется в «Констанс», – сказал мистер ван дер Вудсен, взглянув на свою дочь синими глазами со стальным отливом. В них читалась смесь гордости и неодобрения, что придавало ему несколько пугающий вид.

– Серена, выглядишь прекрасно, дорогая. Блэр будет вне себя от радости, узнав, что ты здесь, – взволнованно произнесла мама Блэр.

– Кто бы говорил, – сказала Серена, обнимая ее. – Как вы похудели! Дом выглядит великолепно. Вот это да. Прекрасные картины!

Миссис Уолдорф польщенно улыбнулась, обняв Серену за стройную талию. – Дорогая, хочу познакомить тебя с особенным для меня человеком, Сайрусом Роузом, – сказала она. – Сайрус, это Серена.

– Я ошеломлен, – раздался низкий голос Сайруса Роуза. Он расцеловал Серену в обе щеки и прижал ее к себе даже сильнее, чем требовалось. – А у тебя крепкие объятия, – добавил Сайрус, похлопывая Серену по бедру.

Та хихикнула, но не смутилась. За последние два года она провела в Европе много времени и привыкла к объятиям безобидных озабоченных европейцев, которые находили ее совершенно неотразимой. Она была как магнит для извращенцев.

– Серена и Блэр – самые-самые лучшие подруги, – объясняла Сайрусу Элеонора Уолдорф. – Но Серена уехала в Ганноверскую Академию в одиннадцатом классе и все лето путешествовала. Бедной Блэр так страдала без тебя этот год, Серена, – добавила Элеонора со слезами на глазах. – Еще и развод. Но теперь ты вернулась. Блэр будет *так рада*.

– Где она? – нетерпеливо спросила Серена, и ее безупречно-белая кожа слегка порозовела при мысли о встрече со старой подругой. Она встала на цыпочки, вытягивая шею, чтобы отыскать в толпе Блэр, но ее тут же окружили взрослые – Арчибальды, Коутсы, Бассы и мистер Фаркас – каждый по очереди целовал ее и поздравлял с возвращением.

Серена радостно со всеми обнималась. Эти люди были для нее как большая семья, в которую она наконец вернулась.

Серена с таким нетерпением ждала, пока сможет зажить прежней жизнью. Снова ходить в школу с Блэр, проводить пары по фотографии на Овечьем лугу в Центральном парке, валяться на траве, снимать голубей и облака, курить и пить колу, ощущая себя настоящим художником. Снова пить коктейли в Звездном зале отеля «Трайбека Стар», заканчивая вечеринкой с ночевкой в люксе семьи Чака Басса, потому что они слишком пьяны, чтобы возвращаться домой. Они снова наденут винтажное нижнее белье и будут сидеть на кровати Блэр с балдахинном, смотреть фильмы с Одри Хепберн и пить джин с лаймовым соком. Будут списывать на контрольных по латыни, как обычно, – надпись перманентным маркером *amo, amas, amat*² все еще чернела на внутреннем сгибе локтя Серены (Боже, храни рукава три четверти!). Ездить по поместью родителей Серены в Риджфилде, штат Коннектикут, в старом бьюике домоправителя, напевая глупые гимны, которые учили в школе, словно сумасшедшие старушки. Справлять нужду перед входом в особняки своих одноклассников, звонить в дверь и убегать. Отвозить Тайлера, младшего брата Блэр, в Нижний Ист-Сайд и оставлять его там, чтобы посмотреть, за сколько времени он найдет дорогу домой – самая настоящая благотворительность, ведь Тайлер теперь лучше всех в школе ориентируется в городе.

Серена ждала, что они снова пойдут на танцы и скинут пять килограммов только от того, что на них кожаные лосины. Как будто им вообще нужно худеть. Будут старыми добрыми Блэр и Сереной, как раньше. Скорее бы.

– Я принес тебе выпить, – сказал Чак Басс, расталкивая толпу и протягивая Серене стакан виски. – С возвращением, – добавил он, наклонившись для поцелуя в щеку, но специально промахнулся, попав в губы.

– Ты не изменился, – сказала Серена, забрав стакан и делая большой глоток. – Ну что, скучал по мне?

– Скучал по тебе? Вопрос в том, скучала ли *ты*? – ухмыльнулся Чак. – Давай, крошка, выкладывай. Что ты здесь делаешь? Что случилось? Нашла парня?

– Да ладно, Чак, – ответила Серена, сжимая его руку. – Ты же знаешь, я вернулась только потому, что хочу тебя. И всегда хотела.

Чак отшатнулся, закашлявшись; его лицо покраснело. Она застала его врасплох, а это мало кому удавалось.

– Ну, на этот месяц у меня все занято, но могу внести тебя в список ожидания, – раздраженно буркнул Басс, пытаясь вернуть себе хладнокровный вид.

Но Серена его уже не слушала. Ее темно-синие глаза изучали комнату в поисках двух людей, которых она хотела видеть больше всего: Блэр и Нейта.

Наконец они нашлись. Нейт стоял у входа в зал, а Блэр позади него вертела пуговицы на своем черном кардигане, склонив голову. Нейт смотрел прямо на Серену. Когда их взгляды встретились, он прикусил нижнюю губу – он всегда так делал, когда смущался. И улыбнулся.

Эта улыбка. Эти глаза. Это лицо.

– Идите сюда, – позвала Серена, махнув рукой.

Ее сердце забилося чаще, когда Нейт пошел навстречу. Он стал еще симпатичнее. Намного симпатичнее.

Сердце Нейта билось даже быстрее, чем ее.

² Я люблю, ты любишь, она любит (*лат.*)

– Ну, привет, – выдохнула Серена, когда тот обнял ее. Снова этот запах – самого непорочного, самого замечательного парня в мире. Слезы навернулись ей на глаза, когда она прижалась лицом к груди Нейта. Теперь она точно дома.

Щеки парня покраснели. «Успокойся», – сказал он себе. Но не получалось. Хотелось подхватить ее и кружить по комнате, покрывая лицо поцелуями. «Я люблю тебя!» – хотел бы закричать он, но не мог.

Нейт был единственным сыном морского капитана и француженки – светской львицы. Его отец был превосходным моряком и невероятно красивым мужчиной, но достаточно сдержанным в проявлении чувств. Мать же – полная противоположность, не скупилась на ласки и позволяла себе эмоциональные вспышки, запираясь в спальне с бутылкой шампанского и звоня сестре, которая жила на личной яхте в Монако. Бедный Нейт всегда был на грани откровенности, но не хотел устраивать сцен или говорить то, о чем мог бы пожалеть. Приходилось молча отдавать штурвал кому-то другому, а самому плыть по течению, мерно покачиваясь на волнах.

Со стороны казалось, что он тот еще жеребец, но на самом деле Нейт был довольно нерешительным.

– Ну что, чем занималась? – спросил он Серену, пытаясь дышать ровно. – Мы скучали по тебе.

Заметили? Ему даже не хватало смелости сказать: «Я скучал по тебе».

– Чем занималась? – повторила Серена и хихикнула. «Если бы ты только знал, Нейт. Я была *такой плохой* девочкой!»

Кулаки Нейта непроизвольно сжались. Боже, как он по ней скучал.

* * *

Никто, как обычно, не обращал внимания на Чака, поэтому он отошел от Серены с Нейтом и направился прямо к Блэр, которая снова вернулась к Кати и Изабель.

– Ставлю тысячу баксов, что ее оттуда вышвырнули, – сказал им Чак. – Вам не кажется, что она выглядит затраханной? Думаю, ее *хорошенько* поимели. Может быть, она подрабатывала там проституткой. Задорная Мадам Ганноверской академии, – добавил он, смеясь над своей глупой шуткой.

– Мне кажется, она под кайфом, – сказала Кати. – Может, на героине.

– Или на таблетках, – добавила Изабель. – Ну, типа, валиум или флуоксетин. Вдруг она совсем спятила.

– Да она и сама может экстази изготовить, – согласилась Кати. – Химия ей всегда хорошо давалась.

– Я слышал, она вступила в секту, – вставил Чак. – Ну, там ей промыли мозги, и теперь все, о чем она думает, это секс, и ей приходится заниматься этим все время.

«Когда будет готов ужин?» – подумала Блэр, игнорируя нелепые предположения друзей.

Она и забыла, какие красивые волосы у Серены. Как прекрасна ее кожа. Какие у нее длинные и стройные ноги. Какими глазами на нее смотрит Нейт – как будто боится моргнуть, чтобы ничего не упустить. Он никогда так не смотрел на Блэр.

– Эй, Блэр, Серена, должно быть, сказала тебе, что возвращается, – предположил Чак. – Давай, расскажи нам. В чем дело?

Блэр безучастно уставилась на него, и ее маленькое личико, похожее на лисью мордочку, залилось краской. На самом деле она не общалась с Сереной больше года.

Сначала, когда Серена уехала в пансион после второго курса, Блэр действительно скучала. Но вскоре поняла, насколько легко быть звездой без Серены. Внезапно *Блэр* стала самой красивой, самой умной, самой модной и самой популярной девушкой. Той, на которую все смотрят. И тогда Блэр перестала тосковать по Серене. Она чувствовала себя немного виноватой.

той из-за того, что не поддерживала общение, но даже это чувство улетучилось, когда она стала получать небрежные и безразличные электронные письма, в которых Серена рассказывала, как весело было в новой школе.

«Путешествовала автостопом до Вермонта, чтобы покататься на сноуборде, и всю ночь танцевала с самыми горячими парнями!»

«Вчера была сумасшедшая ночь. Черт, у меня болит голова!»

Последнее, что получила от нее Блэр, была открытка этим летом:

«Отметила семнадцатилетие в день взятия Бастилии. Франция – супер!! Скучаю!!! С любовью, Серена».

Вот и все, что в ней говорилось.

Блэр сунула открытку в старую обувную коробку «Фенди», к другим символам их дружбы. Дружбы, которой она будет дорожить вечно, но которая, как она думала до этого момента, изжила себя.

Серена вернулась. Пора открывать обувную коробку, и все станет как раньше. Как раньше, когда были Серена и Блэр, Блэр и Серена, где Блэр – низкая, толстая, серенькая и менее остроумная лучшая подруга супердевички Серены ван дер Вудсен.

Или нет. Что, если Блэр сможет сдержаться?

– Все, наверное, так рады, что Серена здесь! – щебетала Изабель. Но, увидев выражение лица Блэр, сменила тон. – Разумеется, ее приняли обратно в «Констанс». Естественно. Они слишком боятся потерять кого-либо из нас. – Изабель понизила голос. – Я слышала, прошлой весной Серена тусовалась с каким-то парнем в Нью-Гемпшире. Пришлось делать аборт, – добавила она.

– Могу поспорить, он был не первый, – сказал Чак. – Просто посмотри на нее.

Так они и сделали. Все четверо повернулись к Серене, которая все еще мило болтала с Нейтом. Чак видел девушку, с которой хотел переспать с того момента, как вообще захотел спать с девушками, – вроде как в первом классе.

Кати видела девушку, которую копировала с тех пор, как сама начала выбирать себе одежду, – третий класс, кажется?

Изабель видела ту, кому досталась роль ангела с крыльями из настоящих перьев на рождественском спектакле в церкви Блаженного Упокоения, пока сама Изабель играла невзрачного пастуха в холщовом мешке. Снова третий класс.

Вместе Кати и Изабель видели девушку, которая неизбежно украдет у них Блэр и оставит их наедине друг с другом, а об этом даже думать было скучно. И, наконец, Блэр видела Серену, свою лучшую подругу, которую она всегда будет любить и ненавидеть. Подругу, с которой она никогда не сможет сравниться и чье место она так старалась занять. Ей хотелось, чтобы эту девушку все забыли.

Секунд десять Блэр думала рассказать друзьям правду: она не знала, что Серена вернется. Но как бы это выглядело? Все считают, что Блэр всегда в курсе событий, и то, что она не знала о возвращении подруги, тогда как остальные владели большей информацией, выглядело странно. Но и стоять молча тоже становилось подозрительным. Слишком очевидно. Ей всегда было что сказать. К тому же кому нужна такая невероятно скучая правда? Блэр обожала драмы. Это был ее шанс.

Она откашлялась.

– Все произошло очень... внезапно, – загадочно начала она, опустив глаза и покрутив маленькое рубиновое кольцо на среднем пальце правой руки. Сюжет ее фильма стремительно развивался, Блэр раззадорилась.

– Думаю, Серена запуталась. Но я обещала ей, что никому ничего не скажу, – добавила она.

Друзья понимающе кивнули. Это звучало серьезно, пикантно и, что лучше всего, так, будто Серена все рассказала Блэр. Если бы Блэр могла написать продолжение сценария своего фильма, то наверняка встретила бы какого-нибудь парня. А Серена могла бы сыграть девушку, которая падает со скалы и разбивает голову о камень. Голодные стервятники съедят ее заживо, и никто больше никогда ее не увидит.

– Осторожнее, Блэр, – предупредил Чак, кивая в сторону Серены и Нейта, которые все еще тихо разговаривали у барной стойки, не сводя друг с друга глаз. – Похоже, Серена уже нашла следующую жертву.

С и Н

Серена и Нейт держались за руки, покачивая их взад – вперед.

– Помнишь Зубастого? – спросила она, тихо смеясь. Нейт хихикнул: даже спустя столько лет он смущался. Зубастый – прозвище Нейта, которое появилось на вечеринке в восьмом классе, когда большинство из них впервые напилось. Выпив шесть бутылок пива, Нейт снял с себя рубашку, а Серена и Блэр черным маркером нарисовали на его торсе глупую зубастую рожицу. Почему-то это привело Нейта в полный экстаз, и он начал игру на выпивку. Все сели в круг, а Нейт стоял посередине, держа учебник латыни и выкрикивая глаголы, чтобы остальные их спрягали. Каждый, кто ошибался, должен был выпить и поцеловать Зубастого.

Разумеется, все ошибались: и мальчики, и девочки, так что Зубастому в ту ночь досталось много внимания. На следующее утро Нейт пытался делать вид, что ничего не было, но на его теле красовалось неоспоримое доказательство. Зубастый не смывался еще несколько недель.

– А Красное море? – спросила Серена, изучающее взглянув на Нейта. Они больше не улыбались.

– Красное море, – повторил Нейт, утопая в глубоких синих озерах ее глаз. Конечно, он помнил. Как он мог забыть?

В один из жарких августовских выходных, летом после десятого класса, Нейт был в городе со своим отцом, в то время как другая часть семьи Арчибальдов осталась в штате Мэн. Серена была в своем загородном доме в Риджфилде, и ей стало так скучно, что она нарисовала каждый ноготь разным цветом. Блэр уехала в резиденцию Уолдорфов в Глениглс в Шотландии, на свадьбу своей тети. Но это не мешало двум ее лучшим друзьям развлекаться без нее. Когда Нейт позвонил, Серена тут же прыгнула на поезд Нью-Хейвен на Центральном вокзале.

Нейт встретил Серену на платформе. Она была в голубом шелковом платье-комбинации и розовых резиновых шлепанцах. Золотистые волосы распущены и свободно спадают на обнаженные плечи. Ни сумки, ни даже кошелька или ключей. Для Нейта она была ангелом. Как ему повезло. В его жизни не было момента счастливее, чем тот день, когда Серена прошлепала ему навстречу по платформе, обняла его за шею и поцеловала в губы. Прекрасный и неожиданный поцелуй.

Сначала они пили мартини в маленьком баре у входа в Центральный вокзал со стороны Вандербильт-авеню. Потом взяли такси и поехали по Парк-авеню к дому Нейта на Восемьдесят второй улице. Его отец уехал по делам с какими-то иностранными банкирами и должен был вернуться очень поздно, поэтому дом оказался в распоряжении Серены и Нейта. Как ни странно, тогда они первый раз действительно осознали, что остались наедине.

Все случилось быстро.

Они сидели в саду, пили пиво и курили. На Нейте красовалась рубашка поло с длинными рукавами, а на улице было очень жарко, поэтому он ее снял. Его плечи были усыпаны крошечными веснушками, а мускулистая спина приобрела бронзовый оттенок от множества часов, проведенных в доках за строительством парусной лодки вместе с отцом в Мэне.

Серене тоже было жарко, поэтому она забралась в фонтан. Она села на мраморное колено статуи Венеры Милосской и обрызгала себя водой, отчего платье промокло насквозь.

Стало очевидно, кто из них настоящая богиня. Венера была просто горой мрамора по сравнению с Сереной. Нейт подошел к фонтану и присоединился к ней, а через несколько секунд они уже срывали друг с друга одежду. В конце концов, это был август. Единственный способ не сойти с ума в августе в городе – это раздеться.

Нейт беспокоился о камерах видеонаблюдения, из-за которых его дом просматривался со всех сторон, поэтому отвел Серену в спальню своих родителей. Все мы, конечно, понимаем, что было дальше.

Оба занимались сексом впервые. Неуклюже, немного больно, волнительно, весело и так приятно, что они просто забыли о смущении. Это был именно такой первый раз, о котором все мечтают, и Нейт с Сереной никогда не жалели об этом. После они включили телевизор: на историческом канале шел документальный фильм о Красном море. Серена и Нейт в обнимку лежали на кровати и смотрели на облака сквозь потолочные окна, пока ведущий программы рассказывал о том, как Моисей раздвинул воды Красного моря. Это показалось Серене забавным.

– Ты раздвинул мое Красное море! – завопила она, набросившись на Нейта с подушкой. Нейт засмеялся и замотал ее в простынь, так что она стала похожа на мумию.

– А теперь я принесу тебя в жертву Святой Земле, – сказал он, изображая голос из какого-нибудь фильма ужасов.

Нейт ненадолго оставил ее одну, поднялся с кровати и заказал целую кучу китайской еды и дешевое белое вино. Они лежали в постели, ели и пили, и он еще раз раздвинул ее Красное море. Небо постепенно темнело, и в потолочных окнах появились мерцающие звезды.

Неделю спустя она уехала в пансион при Ганноверской академии, а Нейт и Блэр остались в Нью-Йорке. С тех пор Серена проводила все каникулы на расстоянии: на Рождество Австрийские Альпы, на Пасху Доминикана, летом – путешествие по Европе. Это была их первая встреча после «Красного моря».

– Блэр ведь не знает? – тихо спросила Серена.

«Какая Блэр?» – подумал Нейт, у которого случился внезапный приступ амнезии.

Он покачал головой.

– Нет. Если ты ей не говорила, то не знает.

Но знал Чак Басс, что, наверное, было хуже. Нейт проболтался на вечеринке всего два дня назад, будучи в стельку пьян. Они пили шоты, и Чак спросил: «Ну что, Нейт? Расскажи про свой лучший секс. Если он у тебя, конечно, вообще был».

– С Сереной ван дер Вудсен, – по-идиотски похвастался Нейт.

А Чак не собирался долго держать это в секрете. Слишком хорошая и выгодная для него сплетня. Чаку не нужно было читать книгу «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей». Он, черт возьми, ее написал. Хотя с друзьями дела все-таки обстояли похуже.

Серена, кажется, не заметила неловкого молчания Нейта. Она вздохнула, склонив голову, чтобы незаметно облокотиться на его плечо. От нее больше не исходил привычный аромат *Christalle* от Chanel. Теперь она пахла медом, сандаловым деревом и лилиями – собственной смесью эфирных масел. Этот новый аромат невероятно шел Серене, такой же неотразимый, как она сама, но если бы им воспользовался кто-нибудь другой, то он, скорее всего, стал бы отдавать собачьими экскрементами.

– Черт. Я безумно скучала по тебе, Нейт, – сказала она. – Знал бы ты, через что мне пришлось пройти. Я совершала ужасные поступки.

– О чем ты? Что такого ты могла сделать? – спросил Нейт со смесью страха и предвкушения в голосе. На секунду он представил, как Серена устраивает оргии в своей комнате общежития Ганноверской академии и встречается с пожилыми мужчинами в гостиничных номерах Парижа.

Как бы ему хотелось навестить ее прошедшим летом в Европе! Он всегда мечтал сделать это в отеле.

– И я была таким ужасным другом, – продолжала Серена. – Почти не разговаривала с Блэр после отъезда. А произошло так много всего! Я уже вижу, что она злится. Она даже не поздоровалась.

– Она не злится, – сказал Нейт. – Может быть, просто стесняется.

Серена бросила на него короткий взгляд.

– Точно, – усмехнулась она. – «Блэр стесняется». Когда Блэр вообще стеснялась?

– Она не злится, – настаивал Нейт.

Серена пожала плечами.

– В любом случае, круто, что я снова вернулась к вам, ребята. Теперь все будет как раньше. Мы с Блэр прогуляем урок и встретимся с тобой на крыше Метрополитен-музея, а потом пойдем в тот старый кинотеатр возле отеля «Плаза» и посмотрим какой-нибудь бредовый фильм, пока не начнется время коктейлей. Вы с Блэр будете любить друг друга вечно, а я буду свидетельницей на вашей свадьбе. И мы будем счастливы, как в кино.

Нейт нахмурился.

– Не делай такое лицо, Нейт, – засмеялась Серена. – Звучит не так уж плохо, правда?

Нейт пожал плечами.

– Нет, наверное, звучит хорошо, – сказал он, хотя чувствовал явно иначе.

– Что звучит хорошо? – раздался мрачный вопрос.

Вздвигнув, Нейт и Серена оторвали взгляд друг от друга. Это был Чак, а вместе с ним Кати, Изабель и, наконец, Блэр, которая, казалось, и вправду стесняется.

Чак хлопнул Нейта по спине.

– Извини, дружище, – сказал он, – мы тоже хотим немного пообщаться с ван дер Вудсен.

Нейт фыркнул и глянул на свой стакан. Остался только лед. Серена посмотрела на Блэр. Или, по крайней мере, попыталась. Блэр была занята тем, что подтягивала свои черные чулки, дюйм за дюймом поднимая их вверх от худеньких лодыжек до таких же худеньких колен и выше, к накаченным бесконечными тренировками по теннису бедрам.

Серене пришлось сначала поцеловать Кати, затем Изабель и только потом направиться к Блэр. У той оставалось совсем немного времени, пока подтягивание чулок не начало бы выглядеть подозрительно долгим. Поэтому, когда Серена подошла слишком близко, Блэр подняла голову и сделала вид, что удивлена.

– Привет, – взволнованно сказала Серена, опустила руки на плечи подруге и наклонилась, чтобы поцеловать ее в щеку. – Извини, что не позвонила, перед тем как приехать. Я хотела. Но день был сумасшедший. Мне так много нужно тебе рассказать!

Чак, Кати и Изабель подтолкнули друг друга локтями и уставились на Блэр. Очевидно, она соврала и на самом деле ничего не знала о возвращении Серены.

Лицо Блэр покрылось румянцем. Попалась.

Нейт заметил ее смущение, но подумал, что причина в другом. Чак уже рассказал Блэр? Выдал его? Нейт не мог понять: она даже не смотрела в его сторону.

Момент был напряженный. Вовсе не похоже на встречу старых близких друзей.

Взгляд Серены метнулся от одного лица к другому. Очевидно, она сказала что-то не то и быстро догадалась, что именно.

«Тупица», – ругала она себя.

– В смысле извини, что не позвонила тебе вчера. Я буквально только что вернулась из Риджфилда. Родители прятали меня там, пока решали, что со мной делать. Мне было так скучно.

Отличный ход.

Она ждала, что Блэр благодарно улыбнется, ведь Серена здорово ее прикрыла, но все, что подруга сделала – это взглянула на Кати и Изабель, чтобы понять, заметили они этот промах или нет. Блэр вела себя странно, и Серена старалась подавить нарастающую панику. Может, Нейт был неправ, и Блэр действительно злилась на нее. Серена так много пропустила. Развод, например. Бедная Блэр.

– Тебе, наверное, очень паршиво без отца, – сказала Серена. – Но твоя мама выглядит отлично, а Сайрус очень милый, когда к нему привыкаешь. – Она хихикнула.

Но Блэр снова не улыбнулась.

– Может быть, – пожала плечами она, глядя на ларек с хот-догами. – Думаю, я до сих пор не привыкла.

Все шестеро напряженно молчали. Нужно было выпить. И чего-нибудь покрепче.

Нейт потряс кубиками льда в своем стакане.

– Кто хочет еще? – предложил он. – Я сделаю нам по коктейлю.

Серена протянула свой стакан.

– Спасибо, Нейт, – сказала она. – Я чертовски хочу выпить. Они заперли от меня проклятый шкаф с алкоголем в Риджфилде. Представляете?

Блэр покачала головой.

– Нет, спасибо, – отказалась она.

– Если я выпью еще, завтра придется идти в школу с похмельем, – отказалась Кати.

Изабель засмеялась.

– Ты всегда в школе с похмельем, – заметила она и передала Нейту свой стакан. – Вот, мы с Кати попьем из одного.

– Давай я тебе помогу, – предложил Чак. Но не успели они отойти, как миссис ван дер Вудсен присоединилась к ним и взяла дочь за руку.

– Серена, – сказала ее мама. – Элеонора приглашает всех садиться. Она приготовила для тебя местечко рядом с Блэр, чтобы вы, девочки, смогли наверстать упущенное.

Серена с тревогой посмотрела на Блэр, но та уже отвернулась и направилась к столу, занимая место рядом со своим одиннадцатилетним братом Тайлером, который сидел там уже больше часа и читал журнал Rolling Stone. Кумиром Тайлера был режиссер Кэмерон Кроу, который гастролировал с Led Zeppelin, когда ему было всего пятнадцать лет. Тайлер предпочитал компакт-дискам настоящие виниловые пластинки, считая это единственно правильным решением. А Блэр волновалась, что ее брат превращается в неудачника.

Серена набралась решимости и подвинула стул поближе.

– Блэр, мне жаль, я была просто сволочью, – сказала она, снимая серебряное кольцо с льняной салфетки и раскладывая ее на коленях. – Развод твоих родителей – это полный отстой.

Блэр пожала плечами и взяла свежую булочку из корзины на столе. Она разломала ее пополам и сунула одну половину в рот. Другие гости все еще подходили к столу и выбирали места. Блэр знала, что есть, когда остальные еще не сели, неприлично, но с полным ртом можно не разговаривать, а ей сейчас абсолютно не хотелось ничего говорить.

– Мне стоило быть рядом, когда это случилось, – продолжила Серена, наблюдая, как Блэр намазывает вторую половину булочки толстым слоем французского масла. – Но это был безумный год. У меня для тебя столько сумасшедших историй!

Блэр кивнула и продолжила медленно жевать булочку, как корова свою жвачку. Серена ждала, что Блэр спросит ее про эти истории, но она ничего не сказала, продолжая жевать.

Блэр не хотела слышать обо всех этих невероятных вещах, которые происходили с Сереной, пока ее не было, в то время как сама Блэр сидела дома, наблюдая, как родители делят антикварные стулья, на которых никто не сидел, чайные чашки, которыми никто не пользовался, и уродливые дорогие картины.

А Серена хотела рассказать Блэр о Чарльзе, единственном растафарианце в Ганноверской академии, который предлагал ей сбежать с ним на Ямайку. О Николасе, парне из французского колледжа, который никогда не носил нижнего белья и гнался за ее поездом на крошечном «Фиате» всю дорогу от Парижа до Милана. О том, как она курила травку в Амстердаме и спала в парке с кучкой пьяных проституток, потому что забыла, где живет. Хотела сказать Блэр, как ужасно было узнать, что Ганноверская академия не примет ее на следующий курс просто потому, что она пропустила первые несколько недель учебы. Как страшно ей возвращаться завтра в «Констанс», потому что она не очень-то старалась в прошлом году и теперь чувствовала, что отстает.

Но Блэр было не интересно. Она схватила еще одну булочку и откусила большой кусок.

– Вина, мисс? – предложила Эстер, появляясь позади Серены с бутылкой.

– Да, спасибо, – сказала Серена. Она смотрела, как «Кот дю Рон» льется в ее стакан, и снова думала о Красном море. Может, Блэр *знает*, подумала она. Может, дело в этом? Поэтому она так странно себя ведет?

Серена посмотрела на Нейта, сидевшего через четыре стула справа, но тот был погружен в разговор с ее отцом. Точно болтают о лодках.

– Так значит, вы с Нейтом до сих пор вместе? – решила рискнуть Серена. – Держу пари, что вы, ребята, в конце концов поженитесь.

Блэр сделала глоток вина, и ее маленькое рубиновое кольцо звякнуло о стекло. Она потянулась к маслу и плюхнула внушительный кусок на булочку.

– Эй? Блэр? – воскликнула Серена, подталкивая подругу. – Ты в порядке?

– Да, – пробормотала Блэр. Это был не столько ответ на вопрос Серены, сколько рассеянный, бессмысленный комментарий, предназначенный заполнить пустоту, пока она поглощала выпечку. – В порядке.

Эстер вынесла утку, суфле из тыквы акорн, подвявший мангольд и брусничный соус, и стол наполнился звуками лязгающих тарелок и серебра с возгласами «восхитительно». Блэр положила себе на блюдо целую кучу еды и напала на нее так, словно не ела уже несколько недель. Ей было все равно на тошноту, если это поможет не разговаривать с Сереной.

– Вау, – выдохнула та, наблюдая, как Блэр набивает рот. – Ты, похоже, очень голодная.

Блэр кивнула и проглотила вилку мангольда, запивая глотком вина. – Умираю с голода, – ответила она.

– Итак, Серена, – начал Сайрус Роуз, сидевший во главе стола, – расскажи мне о Франции. Твоя мама говорит, что вы были на юге Франции этим летом. Правда, что француженки загорают топлес?

– Правда, – ответила Серена, игриво поднимая бровь. – Но не только француженки. Я тоже всегда была без верха. Как же еще добиться приличного загара?

Блэр поперхнулась огромным куском суфле и выплюнула его в свое вино. Он плавал на поверхности малиновой жидкости, как размокшая клецка, пока Эстер не забрала бокал и не принесла чистый.

Никто этого не заметил. Все внимание за столом было приковано к Серене, и она удерживала его историями о своих путешествиях по Европе вплоть до десерта. Когда Блэр покончила со второй порцией утки, то опустошила огромную чашу пудинга из тапиоки, украшенного шоколадом, отправляя в рот ложку за ложкой, что немного заглушало голос Серены. Наконец ее живот взбунтовался, она резко вскочила, отодвинув стул, и побежала по коридору к своей спальне, прямо в прилегающую ванную.

– Блэр? – окликнула ее Серена. – Извините. – Она встала и поспешила посмотреть, в чем дело. Не обязательно было так торопиться; Блэр никуда не денется. Когда Чак увидел, как из-за стола выбежала Блэр, а за ней и Серена, то многозначительно кивнул в их сторону, подталкивая Изабель локтем.

– Облажалась наша Блэр, – прошептал он. – Вот круто.

Нейт смотрел, как они покидают комнату с возрастающим чувством беспокойства. Он считал, что в туалете все девушки говорят только о сексе.

И, в общем-то, был прав.

Блэр опустилась на колени перед унитазом и сунула средний палец в горло как можно дальше. Глаза заслезались, а потом желудок сжался. Она уже много раз делала так раньше.

Это было отвратительно и ужасно, и Блэр знала, что не должна так делать, но, по крайней мере, ей станет лучше, когда все закончится.

Дверь в ванную осталась приоткрыта, и Серена слышала, как рвет ее подругу.

– Блэр, это я, – тихо сказала Серена. – Ты в порядке?

– Я выйду через минуту, – отрезала Блэр, вытирая рот.

Она встала и спустила воду.

Серена открыла дверь; Блэр повернулась и посмотрела на нее.

– Я в порядке, – заверила она. – Правда.

Серена опустила крышку унитаза и села. – Не будь стервой, Блэр, – сказала она раздраженно. – В чем дело? Это я, помнишь? Мы знаем друг о друге все.

Та потянулась за зубной щеткой с пастой.

– Знали, – поправила она и стала яростно чистить зубы. Затем сплюнула зеленую пену. –

Когда мы в последний раз разговаривали? Позапрошлым летом или вроде того?

Серена посмотрела на свои потертые ботинки из коричневой кожи.

– Понимаю. Мне жаль. Я тварь, – сказала она.

Блэр сполоснула зубную щетку, сунула ее обратно в держатель и уставилась на свое отражение в зеркале.

– Что ж, ты многое пропустила. – Она стерла пятно туши под глазом кончиком мизинца. – В смысле, этот год был действительно... другим.

Она собиралась сказать «трудным», но слово «трудный» звучало как жалоба. Будто она не смогла справиться без Серены. «Другой» звучит лучше.

Блэр посмотрела на Серену, сидящую на унитазе, и внезапно почувствовала себя увереннее.

– Знаешь, мы с Нейтом стали очень близки. И рассказываем друг другу все.

Да, точно.

Девушки осторожно посмотрели друг на друга.

Серена пожала плечами.

– Можешь не беспокоиться обо мне и Нейте, – сказала она. – Мы просто друзья, сама знаешь. И вообще, я устала от парней.

Уголки рта Блэр приподнялись. Серена явно ждала, что та спросит, почему – почему она устала? Но Блэр не собиралась доставлять ей такого удовольствия. Она стянула свитер и снова взглянула на свое отражение.

– Увидимся там, – с этими словами Блэр вышла из ванной.

«Черт», – подумала Серена, но осталась сидеть на месте. Очевидно, было бесполезно идти за Блэр, пока она в таком дерьмовом настроении. Завтра в школе все уладится. У них будет разговор по душам в столовой за лимонными йогуртами и салатом ромэн. Не перестали же они быть подругами.

Серена встала и осмотрела свои брови в зеркале, выдернув несколько торчащих волосков пинцетом Блэр. Достала из кармана тюбик с блеском для губ Gash от Urban Decay и нанесла новый слой поверх старого. Затем взяла расческу Блэр и провела по волосам. Наконец, сходила в туалет и присоединилась к ужину, забыв блеск для губ на раковине.

Когда Серена вернулась, Блэр поела вторую порцию пудинга, а Нейт рисовал для Сайруса миниатюру своего крутого парусника на обратной стороне спичечного коробка. Чак поднял бокал, чтобы чокнуться с Сереной. Она понятия не имела, за что пьет, но, как обычно, была готова ко всему.

Привет, ребята!

С продает наркотики на ступенях Мета

Отличное начало. Вы прислали мне целую кипу электронных писем, и я отлично провела время за чтением. Большое спасибо. Разве не классно быть плохой?

Ваши сообщения

Вопрос:

привет, сплетница,

я слышала о девушке в Нью-Гемпшире, которую полиция нашла голой на поле с кучей мертвых цыплят. фу. они решили, что она занимается оккультизмом или типа того. думаешь это была С? Очень похоже, да? поки.

катиЗ

Ответ:

Дорогая КатиЗ,

Не знаю, но не удивлюсь, если это так. С очень любит цыплят. Однажды в парке я видела, как она съела целое ведро жареной курицы не моргнув глазом. Но она вроде тогда была под кайфом.

Сплетница

Вопрос:

Дорогая Сплетница,

Меня зовут С и у меня светлые волосы!!! Я тоже только что вернулась из пансиона в старую школу в Нью-Йорке. И мне уже надоели эти правила, типа не пить, не курить и не водить к себе мальчиков.:(

В любом случае, теперь у меня своя квартира и в следующую субботу я устраиваю вечеринку – придешь?:-)

С969

Ответ:

Дорогая С969,

С, о которой я пишу, все еще живет с родителями, как большинство из нас, семнадцатилетних подростков, везучая ты сучка.

Сплетница

Вопрос:

как дела, сплетница?

вчера одни знакомые парни купили колеса у какой-то блондиночки на ступеньках музея искусств метрополитен. на них была напечатана буква С. совпадение или как?

анОним

Ответ:

Дорогой АнОним,

Вау, и сказать нечего.

Сплетница

3 парня и 2 девушки

У **И** и **К** возникнут небольшие проблемы с тем, чтобы влезть в милые платья, купленные в «Бенделс», если они продолжают каждый день ходить в кофейню «Три парня» за горячим шоколадом и картошкой фри. Я и сама заходила туда, чтобы посмотреть, о чем все говорят, и могу сказать, что официант был милым, если, конечно, вам нравится, когда постоянно зудят над ухом, но еда хуже, чем в «Джексон-Хоуле», а средний возраст посетителей – где-то 100 лет.

Наблюдения

Ч видели в «Тиффани», он подбирал еще одну пару запонок с монограммой для вечеринки. Ау! Я жду приглашения. Маму **Б** видели держащейся за руки со своим новым парнем в «Картье». Хм, когда свадьба? Также: девушка, очень похожая на С, вышла из клиники ЗППП в Нижнем Ист-Сайде. На ней был пышный черный парик и большие солнцезащитные очки.

Немного маскировки. А еще очень поздней ночью кто-то видел, как С высунулась из окна своей спальни на Пятой авеню с растерянным видом.

Ну, не прыгай, милая, все только начинает налаживаться.

На сегодня все. Увидимся завтра в школе.

Ты знаешь, что любишь меня,

Сплетница.

Внемли, ангелы поют

– С возвращением, девочки, – сказала миссис Маклин, стоя за кафедрой во главе актового зала. – Надеюсь, вы хорошо отдохнули. Я провела выходные в Вермонте, и это было восхитительно.

Все семьсот учениц школы для девочек «Констанс Биллард», начиная с подготовительных классов начальной школы и заканчивая ученицами выпускного класса, а также пятьдесят преподавателей и штатных сотрудников тихонько захихикали. Все знали, что у миссис Маклин была подруга в Вермонте. Ее звали Вонда, и она водила трактор. У миссис Маклин на внутренней стороне бедра была татуировка с надписью: «Прокати меня, Вонда».

Это правда, клянусь Богом.

Миссис Маклин, или миссис М, как называли ее девушки, была директрисой. Ее работа заключалась в том, чтобы выпускники школы стали лучшими во всем – поступали в лучшие колледжи, заключали самые удачные браки, проживали самые счастливые жизни, – и ей это отлично удавалось. Она не выносила неудачников, и если вдруг замечала, что одна из ее учениц сдает позиции – часто пропускает, притворяясь больной, или получает низкие баллы на тестах, – то привлекала психологов, социальных педагогов и репетиторов и следила за тем, чтобы девушка получила необходимую персональную поддержку и заработала хорошие оценки, высокие баллы и радушный прием в колледже, который она выбрала.

Миссис М также не терпела злопыхательства среди учениц. В ее школе не было места интригам и предрассудкам. Она любила говорить: «Унижая других, вы оскорбляете себя». Даже самая незначительная сплетня влекла за собой наказание в виде целого дня взаперти и сочинения на сложную тему. Но на практике к таким наказаниям приходилось прибегать редко. Миссис М была в блаженном неведении относительно того, что на самом деле происходило в школе. К примеру, не слышала, о чем перешептываются старшеклассницы на задних рядах.

– Ты, кажется, говорила, что сегодня придет Серена, – прошептала Рейн Хоффстеттер Изабель Коутс.

В то утро Блэр, Кати, Изабель и Рейн как обычно встретились на лестнице за углом, чтобы выпить кофе и покурить перед началом занятий. Они делали это каждый день на протяжении двух лет и уже были готовы к тому, что сегодня к ним присоединится Серена. Но уроки начались десять минут назад, а она так и не появилась.

Блэр раздражало, что Серена продолжала возводить ореол таинственности вокруг своего возвращения. Подруги уже не могли спокойно усидеть на своих местах, выискивая ее глазами, как будто она была какой-то знаменитостью.

– Наверное, приняла слишком много таблеток, вот и не пошла в школу, – прошептала Изабель в ответ. – Клянусь, она провела около часа в ванной Блэр вчера вечером. Кто знает, что она там делала.

– Я слышала, что она продает какие-то колеса с буквой «С». Она плотно на них подседа, – шепотом поделилась Кати с Рейн.

– Подожди, сейчас ты все увидишь, – сказала Изабель. – Она в полном раздрае.

– Да, – прошептала Рейн в ответ. – Слышала, что она начала увлекаться оккультизмом, пока была в Нью-Гемпшире.

Кати хихикнула.

– Интересно, она будет пытаться нас завербовать?

– Алло, – язвительно ответила Изабель. – Она может танцевать голышом со своими цыплятами сколько захочет, но меня в это впутывать не надо. Еще чего.

– Где вообще можно достать живых цыплят в городе? – спросила Кати.

– Отвратительно, – поморщилась Рейн.

– Мне хотелось бы начать с гимна. Пожалуйста, поднимитесь со своих мест и откройте ваши сборники на странице сорок три, – распорядилась миссис М.

У Миссис Видс, учительницы музыки, были вьющиеся, как у хиппи, волосы. Когда она начала стучать по клавишам фортепиано в углу, раздались знакомые аккорды, и все семьсот девушек встали, начиная петь.

Их голоса плыли по Девяносто третьей улице, где Серена ван дер Вудсен только что свернула за угол, проклиная себя за опоздание. Она не просыпалась так рано со времен выпускных экзаменов в Ганновере в июне прошлого года и уже забыла, насколько это паршиво.

«Внемли! А-ангелы поют,
Сла-ава новому царю!
Благода-ать на мир спути-илась,
Грешник с Бо-огом примирились».

Девятиклассница Дженни Хамфри беззвучно шевелила губами, притворяясь, что поет, поделившись с соседкой своим сборником, в котором сама же и вывела тексты гимнов каллиграфическим почерком по поручению директрисы. Это заняло все лето, но вышло очень красиво. Через три года «Институт искусств и дизайна Пратта» примет ее с распростертыми объятиями. А пока Дженни мучило от стыда каждый раз, когда ей приходилось пользоваться сборником, поэтому она и не пела. Петь вслух казалось ей хвастовством, будто она говорит всем: «Посмотрите на меня, я пою гимны по сборнику, который сделала сама! Какая я крутая!»

Кудрявой и миниатюрной Дженни нравилось быть невидимкой. Это ее первый год в старшей школе, так что стать невидимкой оказалось несложно. Могло быть еще проще, не окажись ее грудь такой огромной. В четырнадцать лет у нее был четвертый размер.

Можете себе представить?

«С а-ангелами возглашен
В Вифлееме Иису-ус рожден!»

Дженни стояла с краю, рядом с большими окнами актового зала, выходящими на Девяносто третью улицу.

Вдруг ее внимание привлекло какое-то движение. Развевающиеся светлые волосы. Пальто Burberry в клетку. Потертые сапоги из коричневой замши. Новая бордовая форма – странный выбор, но смотрится отлично. Похоже на... не может быть... серьезно?.. Нет!.. Или да?

Да, это она.

Мгновение спустя Серена ван дер Вудсен открыла тяжелую деревянную дверь и остановилась у входа, пытаясь отыскать одноклассниц. Она запыхалась, волосы растрепались от ветра. Щеки порозовели, а глаза блестели после пробежки до школы длинной в двенадцать кварталов по Пятой авеню. Она казалась еще более совершенной, чем Дженни ее помнила.

– О. Боже. Мой, – прошептала Рейн Кати в последнем ряду. – Она что, взяла одежду в приюте для бездомных по дороге сюда?

– Даже не причесалась, – хихикнула Изабель. – Интересно, где она вчера ночевала?

Миссис Видс исполнила последний аккорд, и мелодия резко оборвалась.

Миссис М откашлялась.

– А теперь почтим минутой молчания тех, кому в этой жизни повезло меньше, чем нам. Особенно коренных американцев, которых истребляли, когда наша страна зарождалась. Мы просим прощения за вчерашний праздник по случаю Дня Колумба, – сказала она.

Воцарилась тишина. Ну, почти.

– Смотри как Серена прикрывает руками живот! Она, наверное, беременна, – прошептала Изабель Коутс, обращаясь к Рейн Хоффстеттер. – Так делают только беременные.

– Может, у нее был аборт сегодня утром и из-за этого она опоздала, – ответила Рейн.

– Мой отец спонсирует «Феникс Хаус»³, – сказала Кати Лоре Сэлмон. – Я спрошу у него, появлялась ли там Серена. Бьюсь об заклад, из-за этого она и вернулась в середине учебного года. Была на реабилитации.

– Я слышала, что в этой школе смешивают стиральный порошок, корицу и растворимый кофе, а потом нюхают это. Похоже на амфетамин, но если долго принимать, кожа зеленеет, – подхватила Ники Баттон. – Можно ослепнуть и умереть.

Блэр уловила обрывки разговоров подруг и улыбнулась.

Миссис М. кивнула Серене.

– Девочки, поприветствуйте, пожалуйста, нашего старого друга Серену ван дер Вудсен. Сегодня она присоединится к нам на занятиях. – Миссис М. улыбнулась. – Серена, найди себе место и присаживайся.

Серена тихо зашагала по центральному проходу и заняла место рядом со второклассницей Лизой Сайкс, которая вечно ковырялась в носу.

Дженни едва сдерживалась. Серена ван дер Вудсен! Здесь, в этой комнате, всего в нескольких шагах. Такая... *настоящая*. И такая повзрослевшая.

«Интересно, сколько раз она делала это», – подумала Дженни, представляя Серену и светловолосого парня из «Ганновера». Они стоят, прислонившись к стволу большого старого дерева, его пальто накинуто ей на плечи, потому что ван дер Вудсен улизнула из общежития без пальто. Было очень холодно, волосы испачкались в смоле, но оно того стоило. Затем Дженни представила Серену и другого воображаемого парня на горнолыжном подъемнике. Он застрял, и Серена села парню на колени, чтобы согреться. Они начали целоваться и не могли остановиться. К тому времени когда все закончилось, подъемник снова заработал, но их лыжи запутались, пришлось поехать дальше и заняться этим снова.

«Круто», – подумала Дженни. Вне всяких сомнений, Серена ван дер Вудсен была самой крутой девчонкой во всем мире. Определенно круче любой другой старшеклассницы. Как же здорово вернуться в середине семестра, опоздать в первый же день и при этом так выглядеть. Неважно, насколько ты богат или красив, – поучившись в пансионе, ты будешь похож на бездомного. Гламурного бездомного в случае с Сереной.

Она не стриглась уже больше года. Вчера Серена собрала волосы в хвост, но сегодня пришла с распущенными и выглядела лохматой. Воротник и манжеты белой мужской рубашки потрепались, под ней виднелся фиолетовый кружевной лифчик. На ногах были ее любимые коричневые ботинки на шнуровке, а на черных чулках сзади красовалась большая стрелка. Хуже всего то, что ей пришлось покупать новую школьную форму. Это как раз и бросалось в глаза больше остального.

Новая школьная форма была настоящей катастрофой, потому что в этот год девочки из «Констанс» меняли сарафаны на юбки. Новые юбки были сшиты из полиэстера, и складки на них казались чересчур жесткими. Материал имел ужасный дешевый блеск и не менее ужасный бордовый цвет. Отвратительно. И именно эту темно-бордовую форму Серена решила надеть в свой первый день в «Констанс». К тому же юбка доходила ей до самых колен! Все остальные старшеклассницы были в старых темно-синих шерстяных юбках, которые носили с шестого класса.

Они так выросли, что юбки стали очень короткими. Чем короче длина, тем круче девушка.

Блэр, кстати, не так уж сильно выросла, поэтому укоротила свою втайне от всех.

³ Реабилитационный центр для алкоголиков и наркоманов в США. – (Прим. пер.)

- Что за фигню она на себя напялила? – прошипела Кати Фаркас.
- Может, она думает, что бордовый – в стиле «Прада», – хихикнула Лора в ответ.
- Думаю, она хочет этим что-то сказать, – прошептала Изабель.
- Посмотрите на меня, я Серена, я красивая, и могу носить все что захочу.

«И она правда может», – подумала Блэр. Это была одна из черт Серены, которая всегда приводила Блэр в бешенство. Она хорошо выглядела в чем угодно.

Но неважно, как выглядела Серена. Дженни и все остальные в зале хотели знать: *почему она вернулась?*

Они вытянули шеи, чтобы рассмотреть получше. У нее фингал под глазом? Она беременна? Под кайфом? Все зубы на месте? Она изменилась?

- Это что, шрам у нее на щеке? – прошептала Рейн.

– Ее порезали в тот вечер, когда она торговала наркотиками, – прошептала Кати в ответ. – Я слышала, что этим летом ей сделали пластическую операцию в Европе, но не очень удачно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.